

**БОГОСЛОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
“ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЕ УЧЕНИЕ ЦЕРКВИ ”**

Москва, г/к “Даниловский” 14-17 ноября 2005 г.

*Свящ. Александр Задорнов,
Московская Духовная Академия*

**СЕКУЛЯРНАЯ ЭСХАТОЛОГИЯ
МЕЖДУ АРХАИКОЙ И ПОСТМОДЕРНОМ**

1. Ситуация Вызова

Гуманизм и прогресс сегодня не в моде. Речь идёт не столько о понятиях и интеллектуальной моде, сколько о самой реальности, которую обозначают эти слова. В любой исторический период интеллектуальной истории присутствуют некие общие парадигмы общественных вкусов и предпочтений, проявляющихся затем в самых разных формах – искусстве, литературе, философии и т.д. В этом смысле можно говорить и об особом виде секулярной эсхатологии, не связанной с религиозным мировоззрением, но наследующей основные её черты. Осмысление истории, вектора её хода и самой возможности существования такого вектора – все эти вопросы входят в ядро смысла такой эсхатологии.

Когда произошёл такой выход эсхатологической парадигмы за пределы собственно религиозного сознания? В известной статье *Время картины мира* Мартин Хайдеггер отметил переход христианства из сферы собственно веры в область мировоззрения, равноправного с другими. Переход этот осуществился в самом начале периода, называемого в историографии Новым временем, а в культурологии – Модерном. Естественным образом Модерн несёт в себе те идеологемы, те смысловые парадигмы, которые мы не встретим ни до (премодерн), ни после (постмодерн) этого периода. Исторически Модерн предельно чётко фиксируется отрезком европейской истории от начала 17-го века до окончания Второй мировой войны.

Если попытаться определить или хотя бы перечислить основные парадигмы Модерна, то в одном ряду окажутся как раз гуманизм, теория исторического прогресса, радикальный секуляризм, техника, инновационные модели общественного развития и т.д., - в общем, всё то, что принято называть «духом 89-го года», года французской революции. Но эсхатология не просто присутствует в этом ряду как один из компонентов пафоса наступления нового мира, но и лежит в основании самого появления Модерна. Как замечает исследователь, отрицательно к Модерну относящийся, совпавшие с началом Нового времени радикальные протестантские движения «проповедовали наступление новой эры, которая сменяет отчуждённый католический порядок, основанный на лицемерии, фарисействе и компромиссах папства. Новая эра мыслилась, однако, не как триумф критической рассудочности, но как реализация идеального божественного устройства реальности, «рая на земле», где будут восстановлены пропорции «золотого века»»¹.

Если назвать главные темы этого «духа 89-го года», то ими как раз и станут гуманизм (в антропологии) и прогресс (в историческом развитии общества). Сопrotивление тому и другому началось едва ли не сразу после провозглашения этих принципов. Проекту Модерна сопротивлялись самые разные силы и направления – от католического консерватизма до нацистского неоязычества. Антигуманизм в этом смысле шёл бок о бок с антипрогрессизмом. Исторически такое сцепление можно фиксировать в эпоху общеевропейской реакции, наступившей после окончания наполеоновских войн. Усталость и трудности в осуществлении «проекта Модерн» были объявлены его самоисчерпанностью и концом.

Романтизм взял на себя миссию антигуманизма. Методы его проведения уже не были столь откровенными как в предшествующую эпоху, ибо зиждидились на принципах *иронии* и *карнавализации* реальности (воспользуемся термином М. Бахтина). Иными словами – на принципах, цементирующих

¹ Дугин А.Г. Эволюция парадигмальных оснований науки. М., 2002. С. 201.

как раз *постмодерн*. Активное сопротивление Модерну тем самым сопряжено с призывом к снятию проблемы человека в тотальной несерьёзности.

Следующий этап этого пути – Ницше. Предельная ясность роли его философии в антимодернистском сопротивлении зачастую лишает возможности увидеть реальные результаты этой деятельности. Ибо «сверхчеловек» Ницше зовёт не к преодолению падшей человеческой природы, что было бы приемлемо и в христианской перспективе, но к радикальной архаике. Об этом, кстати, очень осторожно и деликатно напомнил Хайдеггер в своём известном курсе лекций о Ницше и европейском нигилизме.

Итак, антигуманизм имеет целью архаику, и наоборот.

С антипрогрессизмом всё гораздо проще. Для антимодерниста понимание истории как прогресса кажется идеей относительно недавней и ограниченной ареалом европейского мышления. Сама возможность идеи исторического прогресса появляется якобы лишь в идеологеме Просвещения как противопоставлении традиции. Для архаики история есть тотальный регресс – и индивида, и человечества в целом. Борьба с историей, её остановка (в идеале) или рециклирование (в вариантах Ницше и Шпенглера) – естественное следствие такой установки.

Разумеется, архаики правы в том смысле, что теория *секулярного прогрессизма* известна и возможна только в эпоху Модерна. Но *сама парадигма* имеет начало не в этом секуляризме. Её начало – в возможности заключения Завета между личным Богом и Его образом и подобием. Завета, ведущего как раз к преодолению падшей человеческой природы. И слово *природа* здесь не случайно. Ибо оппозиция «Модерн или Архаика» по-другому звучит как «История или Природа».

Или – история с её прогрессистским вектором, стрела, пущенная от точки Творения к точке Парусии (известный образ бл. Августина), или... природа? Да, но не просто природа, а природа вне человеческого сознания, вне возможности соработничества Творца и творения, в перспективе – вне Богочеловека. Имеем ли мы примеры подобного «возвращения к Природе»? Да сколько угодно – от радикального (в своей архаизации) ислама до новой романтической иронии, которая теперь называется *Постмодерном*.

На уровне идеологем заявления о недостаточности прогрессистской теории истории звучали давно. Тот же Вико попытался примирить линейное развитие христианства и вечное возвращение архаики в теории спиралевидного движения, с каждым витком приближающего человечество к *цели*. В 20-м веке на само понятие цели было наложено мощное идеологическое табу, не только не снятое до сих пор, но и усиливающееся год от года. Сама возможность говорить о цели истории подразумевает необходимость идеи миропроектного устройства, что в эпоху массовой политкорректности прямо запрещено.

Запрет этот был установлен, как ни странно, как раз в эпоху очередного поражения архаизма как идеологии возвращения к природе, т.е. в середине сороковых годов двадцатого века. Появление работ Карла Поппера², обвинившего всю европейскую мысль от Гераклита и Платона до Гегеля и Маркса в «историцизме» обозначает начало проекта свёртывания истории. В плане практическом это вылилось в поистине эсхатологические доклады Римского клуба рубежа 60-70х гг. прошлого века и теории «предела роста». Предлагающиеся альтернативы – от проекта устойчивого развития до движения «зелёных» – естественно, также несвободны от этого идеологического контекста. Последний проявляется, например, в открытой комплиментарности природоохранных организаций к языческому мировоззрению, «наилучшим образом соответствующему экологическим задачам». Отсюда недалеко и до слияния антипрогрессизма с антигуманизмом, и в самом деле неоднократно демонстрировавшегося в эпатажных заявлениях представителей Виндзорского дома (напр., принца Чарльза).

Как видим, сегодня гуманизм и исторический прогресс – главные противники идеологии Контрмодерна. Но как объединить крайних архаиков антигуманизма с радикалами антипрогрессизма?

Ответ озвучивался неоднократно и этот ответ называется *Постмодерн*.

Оставим культурологам и философам³ выяснять связь постмодерна с «проектом Модерна». Разумеется, постмодерн есть такой результат и такое следствие модерна, в котором сам модерн перерождается, отрицая собственные основы. Недаром европейские правые приветствовали наступление этой новой эпохи, считая, что они наконец-то «пересидели» Модерн и теперь наблюдают его пышные похороны.

² Срв. след. слова Поппера: «Именно утрата неизменного мира примитивного закрытого общества привела к напряженности, возникшей в нашей цивилизации, а также к готовности принять ложные преимущества тоталитаризма и историцизма» // Поппер К. Ницшта историцизма. М., 1993. С. 184.

³ См. работы И. П. Ильина, Ф. Лиотара, И. Хассана и др. классические труды на эту тему.

Постмодерн, паразитирующий на осколках Модерна, заинтересован в снятии и псевдоморфизме основ своего врага. История и человек не brutally уничтожаются и свёртываются, как в классической архаике, но подменяются чем-то принципиально иным. Классическая диалектика знает феномен «превращённых форм» и умеет с ними работать (достаточно сослаться на известные работы М. Мамардашвили в этой области). История и человек постмодерна – это и есть такие «превращённые формы», в которых история уже не имеет направленности и подменяется рециклированием, а человек, согласно образному выражению одного из предтеч постмодерна, стирается как след ноги на морском побережье (М. Фуко).

Пресловутая концепция Фукуямы как раз и есть торжество такого слияния архаики и постмодерна. Напомню, что в программной его работе речь идёт не просто о конце прогресса, но о «конце истории и последнем человеке». Ницшеанский аллюзии в данном случае даны не для красоты слога - иначе почему Фукуяме было не обратиться к образу «одномерного человека» модерниста Маркузе? Напомним его слова: «Вполне допустимо сказать, что невероятный исторический пессимизм, порождённый двадцатым веком, дискредитировал почти все Универсальные Истории»⁴. Но этого мало, ибо даже убрав и карнавализовав историю в *вечном возвращении*, постмодерну нужно ещё победить человека. Что ж, за этим также дело не станет. Вот последнее слово Фукуямы: «Постчеловеческий мир может оказаться куда более иерархическим и конкурентным, чем наш сегодняшний, а потому полным социальных конфликтов. Это может быть мир, где утрачено будет любое понятие «общечеловеческого», потому что мы перемешаем гены человека с генами стольких видов, что уже не будем ясно понимать, что же такое человек»⁵.

Последняя фраза важна в том отношении, что в ней проявляется именно антиантропологическая подоплёка всего постмодернистского проекта. Постмодерну мало иронизировать над модерном. Ему нужна такая ирония, которая толкала бы реальность вспять. Процесс этот, ещё применительно к немецким романтикам (умевшим сочетать антимодерн и в виде архаики, и в виде постмодерна), хорошо описал Лосев: «Ирония возникает тогда, когда я, желая сказать «нет», говорю «да», и в то же время это «да» я говорю исключительно для выражения и выявления моего искреннего «нет»»⁶.

Собственно, этим и занят постмодерн.

В такой ситуации свёртывания истории меняются все важнейшие парадигмы новоевропейского бытия человека – от личного до общественного. Стоящий у истоков Нового времени тип рациональности свёртывается под воздействием попыток внедрить в сам этот тип антирациональность. Над последним немало потрудился французский структурализм – от реформированного психоанализа Лакана⁷ до исследователя генеалогии безумия Мишеля Фуко⁸.

Сменив модернистскую идею *нации-государства* постмодернистским проектом *территории* (пресловутая «Европа регионов»), эта новая интеллектуальная мода не могла не изменить и антропологический пейзаж. Монада эпохи Просвещения сменяется человеком-номадой и это новое кочевничество из интеллектуальной фрейдистской игры Делёза и Гваттари перешло во вполне уважаемые футуристические проекты. Пример последнего – слова такой серьёзной фигуры как Жак Аттали, для которого «человечество вступает в сверхиндустриальный век. Богатые, процветающие зоны будут беспечно соседствовать с обширными нищими регионами. Передовые технологии создадут новые виды изделий и товаров, которые предоставят гражданам недостижимые прежде возможности, этот процесс будет сопровождаться утратой традиционной привязанности к стране, общине, семье. Новые предметы, которые я называю номадическими (кочевыми), так как все они - небольшого размера, - изменят в будущем взаимоотношения во всем спектре современной жизни. И прежде всего они изменят отношение человека к самому себе»⁹.

Таковы вызовы Контрмодерна, такова завтрашняя архаика.

2. Пространство Ответа

История начинается как история Завета. Эта аксиома христианской историософии в последнее время, как видим, подвергается сомнению в своей априорности. И не только на Западе.

Соблазн возглавить Контрмодерн, отомстив тем самым Модерну за мнимые или действительные унижения и обиды последних четырёх веков, в современном христианстве очень велик. Собственно, нет недостатка и в исторических примерах подобных процессов – вспомним

⁴ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2005. С. 122.

⁵ Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее. М., 2004. С. 308.

⁶ Цит. по: Гулыга А.В. Кант. М., 1977. С. 201.

⁷ Фрейд, кстати говоря, в этом контексте выступает всё же именно как мыслитель «проекта Модерн».

⁸ «Эпоха разума... непоправимо отделила нас от обычного языка» // Фуко М. Рождение клиники. М., 1998. С. 17.

⁹ Аттали Ж. На пороге Нового тысячелетия. М., 1993. С. 46.

католический неоконсерватизм Жозефа де Местра или Новалиса (у последнего, впрочем, он вполне мирно уживался с романтизмом).

Из двух вариантов Контрмодерна – *постмодерн* или *архаика*, - русской православной мысли привычно выбрать последний. Не в силу надуманной лености и нелюбопытства, но в силу как раз революционной инерции. Об этом революционном азарте архаической мысли в своё время неплохо сказали братья Стругацкие: «Тормозить прогресс так же увлекательно, как и творить его, - всё зависит от исходной установки и от воспитания» (*Волны гасят ветер*). Нынешняя исходная установка архаизации может привести, в частности, к торжеству филетизма над принципом церковного единства и вселенскости.

Впрочем, нельзя сказать, чтобы и постмодернистский вариант контрмодерна совсем уж не присутствует в том уголке интеллектуального пространства, что отведён в качестве резервации православной мысли. Следы его можно наблюдать, к примеру, в навязчивом стремлении внедрить сомнительные модели детского (и не только) литературного процесса в православный дискурс. Или в участии самих писателей, позиционирующих себя как «православные», в таком творчестве (а как по другому объяснить написание православным священником романа в жанре *киберпанк*?).

Подозрения в «исчерпанности истории» возникали и раньше, но тогда у христианства находились силы и персонажи, умевшие не поддаваться соблазну объявить наступление последнего акта мировой драмы или, тем паче, стать во главе этого процесса. Помнится, Жак Ле Гофф описывает ситуацию, когда с видимой победой Церкви на всём пространстве средневековой ойкумены казалось, что «история остановилась. Церковь победила и реализовала себя на Западе. Оттон Фрейзингенский, перенявший августирианское учение о двух Градах, заявил: *Начиная с того момента, как даже императоры, за малыми исключениями, а не только все прочие, стали католиками, мне кажется, что я писал уже историю не двух Градов, но одного, и имя ему — Церковь*»¹⁰. И что же? Началось архаическое рециклирование? Двигаться стало некуда? В 12 веке Бернард Шартрский ушёл от этой опасности, сказав: *Veritas, filia temporis*. И значит – есть всё же значимость прогресса в истории.

В этом смысле Церковь всегда предлагала путь спасения не только человеку самому по себе, но и обществу в целом. Когда волны архаизации и вполне классического кочевничества сметали вместе с культурой саму надежду на продолжение дальнейшей истории, Промысл всегда воздвигал людей, подобно преподобным Венедикту Нурсийскому или Сергию Радонежскому напоминавшим об опасности такого соблазна архаики, о том сочетании молитвы и труда, которым человек сохраняет в себе образ Божий.

Отношения Церкви и культуры сложны и амбивалентны, дополнять длинный ряд банальностей на эту тему – дело неблагодарное. Хочется только заметить, что спасение внешней культуры – задача для Церкви не то чтобы периферийная, но в любом случае вторичная. Но на каждом историческом повороте как-то так получалось, что именно церковное начало естественным образом встраивало в общество модель ухода от архаики.

Эсхатология – модель такого ухода сегодня.

Раскрытие этой модели показывает, что потенциал Модерна ещё далеко не исчерпан. Что нынешний «конец истории», навязываемый нам постмодерном, равно как и архаическое злорадство по поводу неудачи Истории как таковой – не тождественны ангельскому откровению о состоянии, когда «времени уже не будет» (Откр 10, 6). Постмодернистское понимание истории – это тот самый симулякр, «копия копии», не имеющая с эсхатологическим оригиналом ничего общего.

Контрмодерн боится подлинной эсхатологии, ибо понимает, что предлагаемый ею ответ на вопрос о времени и смысле истории несёт в себе возможность миропроектного устройства, равно опасного для архаики и постмодерна. Эсхатология как финал истории спасения против постистории как свёртывания всякой человеческой свободы – вот формула сегодняшнего противостояния.

И здесь же – горизонты работы для чаемого пакибытия русской мысли. Если ей суждено ещё принести свой плод, то да будет он посвящён Альфе и Омеге истории человека.

¹⁰ Гофф, Жак Ле. Интеллектуалы в Средние века. — СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2003. С. 12.